

Материал подготовлен Правозащитным Центром «Граждане против коррупции» на основе личной записи Азимжана Аскаророва (*отдельные фразы, предложения были скорректированы, но мы постарались сохранить суть описания самого Аскаророва*).

Подробное описание А. Аскаророва по задержанию, по судебным слушаниям

15 июня 2010 года, около 11 часов в то время когда я проводил мониторинг для установления количества жертв событий 13 июня и количество сожженных домов жителей узбекской национальности к моему офису подъехала машина в котором **были начальник ОВД Базар-Коргонского района и Уголовного Розыска Каримов Бахтияр**. Открывая дверь машины они сказали, что меня хочет видеть начальник ОВД М. Мергантаев.

В ОВД меня принял заместитель по оперативной работе Азизбек, который расспрашивал об А. Ахматове и М. Карабаеве. Я подробно изложил, что был в их окружении, в то время когда они планировали осуществлять сбор денег предназначенных для пострадавших семей в с. Сузак. Второй раз видел их 27 мая в местной Чайхане и был с ними не более получаса.

На этой встрече, также присутствовал председатель аил-окмоту Базар-Коргона Г. Нишанбаев и другие лица. Разговор шел о том, что если сын А. Ахматова получит клуб «Ак-Шайлак» планируют открыть спортивный центр, на открытие которого израсходуют около 700 тыс. сомов. Также предусматривалась помощь со стороны донорских организаций в целях поддержания и развития спорта. Так как клубом «Ак-Шайлак» заведовал депутат м/с Мирзабаев Икром произошло разногласие и А. Ахматов, сказал сыну, что если а/о и другие не хотят, то необязательно расходовать средства на развитие спорта.

А. Ахматов обратился к Рахимжану Тажиматову с вопросом как дальше жить и сохранить имущество во время острой политической обстановки. Он ответил, что Кыргызская Республика светское государство, если она была бы исламской, то с точки зрения Ислама давал бы свои советы, по этому делу лучше пусть говорят люди, знающие законы. А Ахматов и другие обратились ко мне. В свою очередь я подверг критике их действия в связи с тем, что сегодня или завтра органы получают информацию о встрече и смогут обвинить вас в организации незаконного собрания, поэтому лучше нужно просто рассмотреть вопросы, которые были подняты сегодня и об этом известить государственные органы. Я посоветовал обратившимся, что для проведения различных собраний и мероприятий в районе нужно быть юридическим лицом, иметь организацию определенного статуса. А.Ахматов просил помочь в создании организации, но я ответил, что собираюсь в командировку с 1 июня в Москву. С приездом обещал помочь.

Первым я и Г. Ашинбаев покинули чайхану. Г. Ашинбаев с выходом из чайханы пожал руку и сказал, что якобы дал правильное направление. Опер заму в период беседы я письменно изложил о вышесказанном. Он задавал вопросы, касающиеся оружия. Я ответил, что об оружии я не слышал. О чем шла речь после этого я не знаю. Опер.зам Азизбек сказал: «Я хотел сделать хорошо, но вы этого не хотите», мы спустились на первый этаж и он меня передал своим сотрудникам.

Унижения и оскорбления чести и достоинства начались с этого момента. Вначале заставили заниматься уборкой территории ОВД, когда собирал баклашки. В это время 10 летнему сыну

Магаева тоже давали возможность издеваться по своему усмотрению, управлять мной, он пенал меня ногами в спину (поясница).

После заставляли убирать бычки и в итоге перешли к физической расправе, это были три оперативных сотрудника и дежурный по части в количестве нескольких человек. Я не помню, сколько их было, когда потерял силы и энергию, но после этого они заставили меня петь гимн. А я нормально говорить уже не мог.

К вечеру бросили в обезьянник (ИВС), где я увидел своего младшего брата Хакимжана. Оказывается, в связи с тем, что я долго не возвращался домой он вышел с целью установить мое местонахождение и попал в руки милиционерам. Узнав, что он мой младший брат, милиционеры беспощадно били его. Каждый, кто проходил около обезьянника (ИВС) увидев меня, наносили удары, один удар был нанесен в грудь.

Когда ночью, группа милиционеров хотела вывести меня во двор их остановил заместитель по оперативной работе Азизбек. Он увел меня к себе в кабинет, где я оставался до 4 часов. В этот период времени были слышны шумы и крики. Оперативный сотрудник кричал своим, чтобы те прекратили беспорядки. В 4 часа, когда я спустился в обезьянник (ИВС), брат и еще трое задержанных были в ужасном состоянии, даже невозможно было смотреть на них, на их вид. Брат Хакимжан еле держался, а я даже сидеть не мог.

Во второй день, около 9 утра оперативники начали допрос. У них в руках были фамилии очень влиятельных узбеков. По требованию оперативника я должен был давать против них сфабрикованные обвинения, что с их стороны были розданы автоматы. Первым в списке был Абдулажан. Получив мой отказ и поняв, что я не пойду на их предложения, дежурный сотрудник предложил доставить жену и дочку, открыто говорил, что будет насиловать их перед моими глазами, пока я не соглашусь с их требованиями. Группа отправилась, и возвратились без жены и дочери. Физическая расправа продолжилась, один из сотрудников опера рукояткой револьвера сильно бил по голове. Так сильно, что началось кровотечение, и они сами испугались. Деж.под-к предложил посадить на хлор и когда мне на голову одели у пакет сотрудник уголовного розыска Каримов Бахтияр защищая меня не давал возможность сделать это. К вечеру оформили протокол на основании ст. 94 УПК КР выдворил заместителя прокурора Жениша Торажанова.

На третий день, с утра меня доставили на второй этаж ОВД и в кабинете следователя с участием оперативного сотрудника был проведен допрос. Постоянно не отвечая на вопрос следователя, получал удар по почкам. Это продолжалось до 17 часов. Когда доставили с прокуратуры Жениша Торажанова, он упрекнул оперативника за то, что в течение трех дней не смогли обработать меня. Оперативники тащили меня в следующий кабинет ОВД и прессовали, но я стоял на своем. Обрато доставили из прокуратуры и на третий день предоставили дежурного адвоката по имени Сырга. В течение трех дней были нарушены УПК КР ст. 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20. ст. 40 п. 1,2,3,4; ст. 42 п. 1,9

Нарушена ст. 98 УПК КР, в место того, чтобы в течение 12 часов сообщить о моем задержании, они задержали и в течение двух дней избивали моего младшего брата, который вышел из дома с целью установления моего местонахождения. После освобождения он получил лечение в г. Бишкек. Его жена Турдухан, которую избивали родственники М. Сулайманова тоже попала в больницу, лечение также прошла в г. Бишкек. (559 210215)

Грубо нарушена ст. 100 УПК КР в течение трех дней все допросы прошли без участия адвоката.

После решения суда о применении меры пресечения на арест, в течение месяца я не смог общаться со своим адвокатом.

17 июня, около 18 часов судом была дана санкция на арест. После оглашения суда, оперативники на машине привезли в дом, в котором я проживал, где требовали аппаратуру на которую я проводил съемку. На счастье жена успела спрятаться, аппаратуру не смогли достать.

18 июня группа оперативников пришли в дом, произвели обыск с нарушением УПК КР ст. 184 (без участия понятых).

При обыске на основании ст. 186 УПК КР, должен был быть составлен протокол с соблюдением 170 и 171 ст. УПК КР. Но оперативники ОВД производили обыски с полным нарушением процессуального закона.

Незаконно было вывезено из дома три мешка риса Девзира и четыре мешка риса Аланга, которые были собраны на свадьбу сына и внуков намеченные на август месяц.

18 июня пришли навестить коллеги из ОФ «Справедливость» Валентина Гриценко, Абдумалик Абылакимов и сотрудник с Хьюман Райтс Уотч Анна Берг. Через них узнал, что решение суда Базар Коргонского района обжаловано в апелляционном порядке.

19 июня 2010, меня посетил адвокат Нурбек Токтакунов. Начальник ИВС Кыял не предоставил возможности для свободного общения. Он не покидал нас, хотя Нурбек предупредил его.

Когда Нурбек попросил раздеться, снять рубашку и увидев черные синяки на моем теле спросил начальника ИВС кто это сделал, тот выбежал и не вернулся. Нурбек снял побои, в тот же день этот материал появился в интернет сайтах. Омбудсмен Т. Акун направил своих сотрудников.

22 июня меня посетили три сотрудника с института Омбудсмента и долго беседовали. Они получили письменное заявление об избиении. 23 июня, они повторно навестили меня и по сотовому телефону соединили меня с Омбудсменом Т. Акуном. Я рассказал, что со мной был (в присутствии) начальник и заместитель ОВД. Он в свою очередь обещал скорейшего освобождения из заключения.

24 июня к вечеру меня доставили в прокуратуру. Меня принял областной прокурор. По его словам был звонок Азимбека Бекназарова об освобождении из под стражи. Областной прокурор просил одно, что уголовное дело почти на стадии завершения и скоро передадут отдельно мое уголовное дело, после с легким обвинением получу освобождение. Я находился в их руках и кроме как согласится не было вариантов.

На следующий день отправили в Жалалабад и сразу по одной охраной без наручника повели в областной суд. Около здания суда на мое удивление меня с угрозами встретили родственники Сулайманова. У здания областного суда предупредили, что если меня отпустят, они подожгут здание суда. Родственники Сулайманова угрожали, что не оставят в живых ни одного из моих родственников, моих детей и внуков.

Судом было оставлено решение районного суда. Меня закрыли в Джалалбадском ИВС в 9 камере, в тот день в этой камере находились 16 человек на имеющиеся 8 мест. Сокамерники, увидев мое состояние попросили, чтобы я поднялся на второй ярус кровати. С помощью других я поднялся, на следующий день, когда я спускался они увидели корпус моего тела, удивились как я еще в живых хожу.

- Через два дня начальник ИВС и два опера привезли в Базар-Коргон. Неоднократные попытки адвоката Н. Токтокунова были безуспешны. Когда он приезжал, прокуратура информировала семью Сулайманова, которая создавала помехи. Дважды избивали, порвали рубашку. В начале августа, адвокаты добились перевода в Жалалабад и мы смогли свободно общаться.
- В первые дни, 15 июня, оперативники старались узнать, где спрятаны семейные средства в долларах или евро. Я сообщил, что в доме нет накопленных средств, они не верили, сильно избивали. Думаю, что если бы в те дни задержали жену, то, наверное пришлось бы соглашаться на их сфабрикованные дела и условия. Коллеги из Жалалабада добились отправки детей в Узбекистан. Психологически подавленная, от страха, в связи с неоднократным появлением у нас дома вооруженной группы милиционеров, которые стреляли в воздух, жена потеряла сознание и при падении получила травму ноги, после чего долго находилась в постели.
- 30 августа меня этапировали в Базаркоргон, а 2 сентября с большой охраной спец этапом доставили в Ноокенский районный суд. У суда я увидел не мене 200 сотрудников милиции и сецназа. Нас всех последственных создав коридор доставили в здание суда.
- В зале суда были родственники Сулайманова, международные представители и милицейские группы в основном ОВД Базаркоргонского района, сидели в зале как будто пришли на партийное собрание. Судом была грубо нарушена ст.245 УПК КР. Судья давал возможность семье Сулаймановых издеваться, оскорблять честь и достоинство узбекской национальности, открытым текстом угрожать расправиться с родственниками и и близкими задержанных. Адвокатов тоже оскорбляя, говорили что каждому адвокату, участникам уголовного дела наняты киллеры и скоро они будут уничтожены. А моему адвокату Н.Токтакунову предупредили, что нанят киллер для него из Бишкека. Судебный процесс прошел под диктовкой Сулаймановых. Они в любое время могли перебивать выступления адвокатов и унижали их из-за того что, они кыргызской национальности и защищают сартов (узбеков). Неоднакратное ходотайство адвокатов оставалось без внимания. Мать убитого капитана милиции показывая на меня говорила, что я сижу в заключении, а моя информация опубликована в США, Англии, Франции и других странах. Им страшно не понравилось то, что я передавал информацию о начале стычек, о том, что были ранены 13 человек и три смертных случая в Базаркоргоне

У них ненависть ко мне, я не писал более подробно о смерти сотрудника милиции. До 13 июня ко мне звонил Сардар, А. Абдрасулова, с ОБСЕ и многих другие чтобы я информировал их по событиям на мосту по трассе Ош-Бишкек. Я всем ответил, что я на мосту не был и не смогу комментировать суть события. А.Абдрасулова просила, чтобы я берег себя.

- 12 июня многие комерсанты с рынка, в основном женщины обращались и сообщали, что ночью будет стычка, межнациональный конфликт. По их сообщениям якобы едут из других областей группа людей. О событиях в Оше и перемещения женщин и детей на территорию Узбекистана было всем известно.
- Около 16 часов, на стадионе собрались более 500 молодых людей, обсуждалось приближение опасности. Лидер Базаркоргон А.Ахматов предложил женщин и детей отправлять в приграничный с Узбекистаном села Сейдикум. М. Карабаев дал поручения изучить обстановку. Я как правозащитник увидел ход событий своими глазами, на пограничном посту Сейдикум когда доехали до Турпак-Коргон был звонок А.Ахматова и М.Карабаев развернул машины. Около дома А.Ахматова они встретились и беседовали оба, о чем-то отдельно А. Ахматов даже не поздоровался со мною обратно направились в сторону границы и по дороге М.Карабаев ни слово не промолвил, о чем было поручение А.Ахматова. Об этом долго думал и пришел к следующему мнению, что, М.Карабаеву, было дано указание, чтобы подальше держаться от меня учитывая то, что, я постоянно с собой имею видеокамеру и фотоаппарат. На границе я увидел толпу женщин и детей не менее 500 человек. Появилось желание привести и свою семью. Когда беседовал с семьей Максудова и других увидел акима района и имама района в окружении около десяти сотрудников пограничной службы, я поздоровался и он обращаясь ко мне говорил – “давайте будем возвращать народ и будем гарантом”, в своего очередь я ответил давайте будем гарантом жителям обеих сторон. Он в свою очередь отказался быть гарантом и я в свою очередь отказался, раз вы не можете, то я тоже не смогу быть гарантом, сел в машину для того, чтобы привести семью. Между мною и акимом разговор был не больше минуты.
- В процессе суда, аким района А.Артыков заявил, что якобы на границе люди стремились взять в заложника акима, для этого организовали женщин. Шофер и его телохранитель тоже подержали своего акима, но их показания противоречили друг другу. Но судом это было оценено как подчинение должностному лицу.
- Проведение обыска жилого дом произведено с грубым нарушением УПК КР ст.184 статьи с полным нарушением пункта статьи (произведен без участие понятых). В доме хранилось 24 диска, Рафик кори который в 2006 г. в августе был убит. Проповеди пятничного намаза В них не содержится ничего такого, содержащее информацию против государственной политики КР. Тем более эти диски не запрещены на территории КР. После изъятия

дисков, через месяц оперативниками включены ещё 2 диска по Афганистану, которых у меня дома при изъятии не было.

Прибыв домой, хотел довести до границы и дочку с двумя внуками, маму посадил в машину так как жена отказалась оставить дом без присмотра. Дочку с внуками и маму когда довез до границы, количество людей и машин там определить было очень трудно. Пограничники Узбекистана начали пропускать гражданов КР на территорию Узбекистана. Дети и старухи перешли в сторону Узбекистана, я вернулся в Базар-Коргон, у офиса организации было много народу и я хотел провести мониторинг событий.

Не помню в какое время с Карабаевым доехали до перекрестка ул. Сайдулаева: направление в сторону г. Ош трасса Базар-Коргон была закрыта прицепом. Там были недолго, потом вернулся в офис один раз ездил по ул. Джала-Абадской где находились Г.Нишанбаев А.Ахматов. Там было очень много народу и в темноте определить людей было трудно, услышал голоса А.Ахматова, Нишанбаева пред а/о Базар-Коргон. Возвращаясь в офис долго сидел. По распространенным информациям стычка должна была начаться ночью около 23 часа. М.Карабаев пришел и сообщил что со стороны Бишкека идут большие колонны и попросил как независимого наблюдателя проследить ход событий. Мы пришли к перекрестку ул.Сайдулаева, где были созданы блок посты, где-то через 40 минут на большой скорости в сопровождении ГАИ прошли на большой скорости автомашины.

Многи подсчитали, в колонне 60 машин из них два УРАЛа, 4 РАФа, остальные легковые машины. Учитывая, то что машины не развернулись в Базаркогон, хотел вернуться домой Но очень многие просили ожидать определенного времени потому колонны по информации людей не доехали в Джалал-Абад. На заднем сидении машины “тико” М.Карабаева уснул и на рассвете 05 часов просил, чтобы он отвез меня домой, около 5.30 вернулся домой и от усталости уснул.

В какое-то время меня разбудила жена Ходича и сообщила, что якобы около центра был убит сотрудник милиции. Когда переоделся и вышел из дома, на улице встретился со многими жителями нашего квартала. Они тоже обсуждали именно убийство сотрудника милиции, когда с ними стоял и поздоровался остановилась автомашина Оба принадлежали мяснику Батыржану, когда сел в его машину узнал от него, что трагедия произошла на мосту на трассе Ош-Бишкек. Батыр довез до офиса организации, встретил Умурзакова предпринимателя. Он объяснил как все это произошло и говорил, что в настоящее время А.Ахматов М.Карабаев Ш.Шарипов ведут переговоры.

Он попросил поехать и мы прибыли к перекрестку ул.Сайдулаева, где находились около 300 человек. Переговорщики по нашему прибытию возвращались и А.Ахматов просил людей освободить дорогу. В этот момент упал парень, который рядом со мной стоял, с помощью других я доставил его в больницу. Оказывается он умер на месте, чтобы не получилось как в Сузаке я съездил в офис и вернулся с видео камерой и фотоаппаратом. В этот момент в больницу поступили 13 раненых и три трупа. Установил личности и в этот момент стало слышно близко....., я вернулся в офис.

- В центре получил смертельное ранение Насрединов Кодирхон и один получил ранение ночью.
- Звонок поступил из ОБСЕ, от Сардара Багишбекова, Азизы Абдрасуловой, всем передавал информацию о том, что видел своими глазами.
- Когда стрельба началась в центре Базар-Коргона, с помощью некоторых людей, через соседние двора вышел в безопасное место. Двое молодых ребят проводили до дома. В доме было около 10 женщин и дети родственники соседа Шакаримова Махамаджана, проживающего по улице Жалал-Абадской. До вечера стрельба была очень близко. Ночью был звонок У.Бабакулова и российского журналиста. По поводу убитого сотрудника милиции я ответил, что суть дела не знаю потому что там я не был. Думаю, что властям не понравилось, то что я распространял информаию.
- 14 июня, из дома не выходили, принимали и обслуживали гостей. 15 июня вышел из дома и завершил мониторинг по установлению количества убитых и сожженных домов.
- По пути перед судом Базаркоргоносского района Багишев Д.М. в категорической форме потребовал, чтобы я никуда не передавал информацию, в свою очередь я не послушался и занимался своими делами, устанавливал количество и личности трупов по ул. Жалал-Абадской и в других местах. По результатам сбора информации их количество достигло до 38 человек. А количество сожженных домов не смог довести в связи с задержанием меня сотрудниками ОВД Базаркоргон около 11 часов местного времени, около своего офиса в центре Базаркоргона.
- 2 сентября, после завершения первого дня суда нас доставили в прогулочный ИВС Ноокенского района и группа сотрудников Ноокенского и Базаркоргонского РОВД страшно избивали нас. Лично меня избивал лейтенант, сотрудник ОВД Ноокенского района Эрнест. Крики и шумы были слышны, с наружи родственники и адвокаты обратились в МВД, Генеральную Прокуратуру и в аппарат президента КР. Первые два дня на оправку последственных заходили более 20 сотрудников, первой выходила наша камера, они останавливая издевались надо мной и не разрешали ходить в туалет, по возвращению в камеру получал несколько ударов когда поступила информация, что из Бишкека едет комиссия лейтенант Эрнест посетил нашу камеру, угощал всех сигаретами с фильтром. Для меня обещал многое.

- Я пропустил один эпизод, что 2 сентября после страшной физической расправы, первым вели меня камеру ИВС, один сотрудник в гражданской форме держал сзади мои руки, а второй начал бить по голове пластиковой бутылкой наполненной водой. Когда я начал терять силы, они бросили в камеру №1. Через определенное время, с двумя сотрудникам вышел подсудимый Мухамадзакир, его лицо было в крови. Перед сотрудниками он дал слово, что на следующем процессе он даст показание против меня” что убил сотрудника милиции по моему поручению.”Я сказал что Бог им судья. Мамадалиева Мунира тоже согласилась давать показание против меня и это она сделала. Второй процесс был назначен на 6 сентября и в ИВС Ноокена обсуждалось все и Мухамадзакирову объяснили выполнять задания сотрудников милиции, в колониях жестоко карается.

- 6 сентября он не выполнил задание сотрудников милиции, учитывая приезд комиссии все стали очень мягкими. Но действия спецназа были и остались жестокими. Окружая нас они издевались как хотели. Через решетки подсудимые кроме меня и женщина получили удары дубинок.

Меня спасло посещение представителей международных организаций. Удивительно хотя Мухамадзакир не давал показания, в суде, в решении суда оказались слова якобы он давал показание, что я был на мосту **(ПРОШУ АДВОКАТОВ обратить на это Внимание и поговорить снова в Мухамазакиром)**.

- Когда посупил сигнал о приезде комиссии из Бишкека, ночью около 02 часа посетил начальник УВД и провел беседу со мной. По просьбе подследственных ИВС Ноокенского района мне пришлось скрыть преступления 2 сентября. Я должен был выполнить просьбы преступного мира. Потому в случае оглашения и жалоб высшему эшелону, они нас не будут трогать, а остальным сказано на оправку гусинным шагом и другие унижения. С приездом комиссии, в которой была А.Абдасулова, хотя левый глаз был ужасен от сильного избиения, я сказал, что упал когда после завершения суда, когда возвращались в ИВС. Хотя этому не верили, но жалоб не было.

- 15 сентября суд завершился суровым решением. В течение десяти дней было обжаловано решение суда первой инстанции. Обращение сотрудников ИВС Ноокена было очень вежливое. Я благодарен начальнику ОВД, заместителю дежурной части, наальнику ИВС и всем постовым которые относились с уважением.

- До 10 октября пока не начался судебный процесс по делу САНПА Сузакского р-на мы жили спокойно, в сопровождении спецмашины и спец.наза нас доставили в ИВС Сузакского района. Нас подгоняли прогулочное и была дана команда раздеваться и физической расправы. Я получил три легких удара и меня повернули к стене, остальных кроме женщин спецназ избивал страшно, говорили что до Оша они должны просить Бога, чтобы были живыми. После избиения продолжали сотрудники Сузакского ОВД и

разделили по камерам. Меня поселили в 3 камеру. Начальник ИВС предупредил чтобы я много не читал лекции по правам. Тринадцать дней жили неплохо, хотя в маленькой 3,5х3 камеры, шесть коек на 11-12 человек для меня определили одну отдельно. Смотрящий ИВС Равшанбек, который обвинялся в убийстве черного Айбека был очень общительным человеком. Его и уважали сотрудники ИВС и др.

- 23 октября, к обеду, когда начала поступать пища от родственников, была команда из Базар-Коргона и через несколько минут мы были в прогулочной. Как в прошлый раз, по команде разделись, началась физическая расправа, все кроме меня получили жестокое избиение и быстро как особо опасные рецидивисты грузили в этап. машины. Через три часа прибыли в ИВС г. Ташкумыр и в прогулочной в ИВС города всех кроме меня зверски избивали. Первым бросили в 4 камеру меня. Была суббота, а апелляция была назначена на 25 октября 2010 года. Увидев обстановку и жестокое обращение к нам, потеряв всякую надежду когда сокамерник крепко спал, повесил себя с двух ярусной кровати. А веревку из Ноокенского ИВС с края одеяла отделил. Это был очень крепкий *материал (мы не поняли, что он имел здесь в виду)*. Когда себя увидел повешенным с потолка не понял, что очнулся на полу, веревка оторвалась.
- 25 октября нас отправили в Ташкумырский городской суд. Судебный процесс начался как в первой инстанции с оскорблениями адвокатов и нас со стороны семьи Сулаймановых.
- Обращения в суд не давали результатов: один эпизод, начальник районного отделения СНБ, который отрицал мое обращение в кабинете Акима района, признал «Да вы как-то информировали нас» - говорил он. Остальные все сотрудники ОВД, хором повторили один текст, якобы я призывал убить милиционеров.
- У всех получил разные показания, но судом не были про анализированы их показания. Зам начальник ГАИ давал показания, что выехал на трассу, вдоль дороги среди толпы увидел Аскарова. СНБ тоже повторил похожую версию, его зам говорил. Когда поехали его зам говорил: на мосту увидел Аскарова с видеокамерой около красного тико в этот момент по дороге Кара-Унгур сай проходили стычки милиционеров с группой узбекской молодежи. Начальник милиции и сотрудники описывают якобы я вместе М Карабаевым призывал народ совершить нападение на сотрудников милиции. А на самом деле в этот момент абсолютно там не был, я спал дома. Инсценировка СНБ, прокуратуры и ОВД это в отношении моей профессиональной деятельности.
- Именно до ареста я обращался в прокуратуру области с просьбой наказать лиц, причастных в смерти таксиста 4 июня. Раненного человека вместо того, чтобы доставить в больницу в 50 метрах доставили силами в ОВД и там он скончался. Я требовал, чтобы эти сотрудники получили по заслугам. Если так и далее пойдет доверие народа не будет к милиции. В свою очередь обещал, но я не добился, к тому, же в железную сетку сам попал.

- Главная цель судебного процесса, заключалась в том, чтобы как можно больше прилепить обвинений в отношении меня. Часто свидетелям суд давал направление, как ответить, сделать больше обвинений в мой адрес.
- У некоторых сотрудников есть оказывается более или менее человеческая совесть. Например, начальник ГАИ среди пяти сотрудников дававших показания иначе не стал являться в суд. Его заместитель давший показания, «что он увидел и слышал как я призываю», во второй инстанции суда давал показания, что видел меня вдоль дороги среди людей, больше ничего. Значит, у него тоже совесть более или менее есть.
- Постовой ИВС Куба во время короткого общения лично говорил, что «Да, вы не были на месте, но по телефону могли регулировать, спокойно находясь дома». А в суде отрицал свое показание. Видно выполнял требование своего начальства.
- Каждый день утром и вечером на opravку подсудимых выходили, бегали в маленькой прогулочной заставили делать неоднократный круг гусиным шагом. В это же время сотрудники избивали. Самое большее избивание получили Эльмурод и Дильшод.
- Где-то 5 ноября, нас спец этапом доставили в Ноокенский районный суд. А нагодку (*мы не поняли, что он здесь имел в виду*) привезли в ИВС Базаркоргон. Кроме меня остальных прибывших за критику и жалобы против оперативников Базар-Коргонского района проучили очень жестоко в подвале ИВС Базар-Коргонского района.
- 6 ноября, после завершения суда, когда спецназ устроил физическую расправу, адвокаты увидели и обжаловали их действия в вышестоящих органах власти. Меня постоянно водили без наручников, начальник ИВС не давал возможности бить. Всегда кричал не трогайте этого человека, 6 ноября получил сильные удары сзади.
- 10 ноября, в итоге я пожаловался своему адвокату Нурбеку Токтакунову, что с 25 октября я не употребляю пищи, из-за того, что задний проход шлаком забит. Он заявил суду. Пришли врачи и поставили диагноз, что только хирургическим путем, можно удалить шлаки.
- 11 ноября, в обед, в сопровождении двух наших доставили в ИВС Джалалабад. Начальник ИВС сотрудникам ИВС дал указание, чтобы они гоняли меня сколько можно. После его ухода четыре сержанта требовали на проверку раздеться, после того по легким ударили пенками и издевались. Обзывал «сартами» и сказал: что скоро в ближайшее время вас всех заставим пресмыкаться перед своим Каримовым. Переоделся и встретил опер зама и Эргошбай ака в кабинете свидания адвокатов. Переселили в 9 камеру из старых друзей Равшанбек и Эргашбай ака.
- 12 ноября, к обеду пригласил в кабинет и одел наручники, посадил в легковую машину спецназа и доставили в обезьянник (ИВС) спец этапа. 60х60 размер ИВС ночью добрались

в Токтогул. Я сказал, что в такой легкой одежде до утра умру, охрана где-то нашла старый матрас, и одеяло и выжил до утра. По дороге не ел, не пил до утра.

- 13 октября около 15 часов прибыл в ИК-47. Когда с машины вышел, снаружи встретил меня гражданское лицо вежливо и мягко. Я не понимал, если начальник ИК и не похож на военного человека. На первый взгляд можно сказать хороший директор школы. Лично вместе зашел в камеру и вежливо обращался.
- Через определенное время навесил полковник грубым тоном, указывал, чтобы я сидел тихо.
- Через полчаса навестила Толекан Асаналиевна со своими сотрудниками. Я заплакал, увидев постельные принадлежности и мою одежду, на следующий день привезли целую сумку зимней одежды, электропечку. Я благодарен Аллаху, что в моей жизни есть такие друзья как Толекан, Азиза. Сардар и другие.